

Никита Брагин

г. Москва

Изучение накипи в чайниках
продиктовано жаждой найти
в хаотической гуде случайного
все начала, концы и пути,
процедить через сито статистики
воду мыслей и фактов песок
и в бурьянах и плевелах мистики
увидать хоть один колосок.

Но из кранов течёт только жёсткая,
отдающая хлором вода;
лучший чай на подносике жостовском
подаёшь, а в стакане бурда,
и анализ крошащейся накипи,
как бы ни был он точен и скор,
не вернёт даже крохотной капельки
с заповедных заснеженных гор.

Сок тростника, зелёный, пенный
и сладкий, словно детский сон,
и холод сердца постепенно
куда-то в полночь унесён...
Ах, это лакомство слоновье
так радостно и так тепло –
наверно, под руку с любовью
оно в наш горький мир пришло.

Поздняя осень, холодного ветра вино,
жизни предзимье,
где старому сердцу темно,
где рассыпаются прахом труды и устои.
Время струится песком
сквозь дырявый карман,
тихо подходит к концу надоевший роман,
глянешь, а там, впереди,
только поле пустое.

Холоден этот пейзаж облаков и стерни,
бьётся в уме безнадежное слово «верни»,
но понимаешь и сам, что разумнее – молча
сосредоточиться и на краю бытия
мысленно молвить: «Да сбудется воля Твоя
здесь, на виду у пирующих полчищ!»

Понял теперь? Это поле – арена среди
шумных трибун, где и чернь,
и вельможи орды
в полную грудь
развлекаются гамом и свистом.
Лучшие между собой разыграют призы,
жертвам придётся страдать
до последней слезы,
ну а тебе –
становиться в шеренгу статистов.

Здесь ты безвестен, ничтожен,
закопан в золу,
здесь искушают тебя,
отдают на съедение злу,
в душу вливая безумие, гордость и зависть.
Горько терпеть, и надеяться невмощно,
больно зерно из ладони ронять в пустоту
и сознавать, что уже ничего не исправить.

Мужество делает выбор – уйти из игры,
просто уйти, не заметив котлы и костры,
слово и дело своё в тишине завершая.
И не спеши, даже если тебя позовут
к жирной похлёбке
на несколько жарких минут –
недоедание ныне беда небольшая.